

Глава 1

— Прошу вас, милорд, не говорить более ничего! — умоляющим тоном промолвила мисс Милбурн, в смятении отворачиваясь и прижимая руки к груди.

Ее собеседник, высокий молодой человек, романтично припавший на одно колено перед креслом девушки, похоже, явно растерялся, услышав эту сбивчивую просьбу.

— Проклятье... Я хотел сказать, черт возьми, Изабелла! — нетерпеливо вскричал он, поспешно поправив себя, когда мисс Милбурн обратила на него укоризненный взгляд карих глаз. — Да ведь я еще и не начинал!

— И не надо, прошу вас!

— Но я собираюсь сделать тебе предложение! — недовольно заявил виконт.

— Знаю, — ответила девушка. — Но это бесполезно! Ни слова более, милорд!

Разочарованный и изрядно рассерженный, виконт поднялся на ноги.

— Должен заметить, Изабелла, что, на мой взгляд, ты обязана хотя бы позволить мужчине высказаться! — обиженным тоном заявил он.

— Я всего лишь желаю избавить вас от ненужных страданий, милорд.

— Сделай мне одолжение — прекрати нести эту театральную чушь! — вознегодовал виконт. — И перестань называть меня «милордом», словно ты меня не знала всю свою жизнь!

Мисс Милбурн, покраснев, опустила голову. Он был неопровержимо прав, поскольку их имена располагались по соседству

и она действительно знала виконта всю свою жизнь. Но ослепительная карьера в качестве общепризнанной Красавицы, к ногам которой склонилась добрая половина самых достойных молодых джентльменов столицы, приучила леди к куда более трепетному обращению, нежели то, к коему прибег ее товарищ по детским играм. Посему Изабелла даже с некоторой обидой принялась холодно смотреть в окно, в то время как ее разгоряченный воздыхатель описывал круги по комнате.

Вид, открывавшийся перед ней, а именно: аккуратные лужайки, ухоженные цветочные клумбы, изящно подстриженные живые изгороди — несомненно радовал глаз, однако сейчас мисс Милбурн любовалась им отнюдь не из любви к идиллической природе. Ее поспешный отъезд из метрополии¹ несколькими неделями ранее был связан с тем, что она имела несчастье подцепить гадкую детскую хворь, вынудившую девушку укрыться от глаз высшего общества в то самое время, когда она — не без оснований — полагала себя если не центром, то хотя бы средоточием внимания света. Маменька мисс Милбурн, с не меньшим здравомыслием сознававшая всю пагубную нелепость этого недопомогания, провозгласила, что тяготы светского образа жизни плачевно сказались на здоровье драгоценной дочери, и в срочном порядке умчала ее в Кент в карете, запряженной четверкой лошадей.

Здесь, в уютном особняке, благополучно удалившись от посягательств мужчин, Изабелла смогла не только поправить пошатнувшееся здоровье и вернуть прежнюю красоту, но также излить душу двум горничным и херувиму-пажу. Минуло вот уже несколько недель, как она пошла на поправку, однако, поскольку на челе ее все еще сохранялись следы чрезмерной бледности, миссис Милбурн, женщина весьма рассудительная, решила оставить дочь за городом до тех пор, пока (по ее словам) на щечках Изабеллы вновь не расцветут розы.

Тем временем много пылких джентльменов, спешно прибывавших сюда из самого Лондона в надежде хоть одним глазком взглянуть на Несравненную, являлось в особняк Милбурн-Хаус.

¹ Метрополия — столица, центр деловой или культурной жизни, мегаполис. (Здесь и далее примеч. пер., если не указано иное.)

Но дальше порога их не пускали, так что им приходилось передавать букеты цветов и страстные послания в руки невозмутимого дворецкого и направлять свои колесницы обратно, не изведав даже мимолетного удовольствия от возможности приложиться к восхитительной ручке Красавицы.

Мистера Шерингема неизбежно ожидал бы столь же неласковый прием, если бы он не решил предосудительно воспользоваться своим давним знакомством с соседями. Прибыв из поместья Шерингем-Плейс, где он провел ночь, молодой человек оставил лошадь в конюшне и, пройдя через сад, беспрепятственно вошел в особняк через одно из высоких окон, выходящих на лужайку. Встретив по пути изумленного лакея, его светлость, чувствующий себя как дома, небрежно швырнул хлыст и перчатки на стол, положил рядом свою касторовую¹ шляпу с загнутыми полями и потребовал провести его к хозяину дома.

Мистер Милбурн, к сожалению, лишенный житейской мудрости своей супруги, едва уразумев цель этого визита, не задумываясь, хотя и без особого воодушевления, предложил его светлости побеседовать для начала с самой Изабеллой.

— Потому как я не могу сказать тебе ничего определенно-го, — заявил он, с сомнением глядя на виконта. — Кому известно, что у них в голове? Право слово, одному Богу!

Верно истолковав сие туманное выражение, как имеющее прямое отношение к супруге и дочери мистера Милбурна, Шерри осведомился:

— Но вы-то, сэр, по крайней мере, не имеете никаких возражений, я надеюсь?

— Нет, — с достоинством ответил его светлость. — То есть... Словом, я полагаю, у меня нет возражений. Да, никаких. Однако тебе лучше самому повидаться с Изабеллой!

Вот таким образом виконт и предстал перед Несравненной еще до того, как она успела задернуть занавески на окнах, преграждая путь чересчур безжалостному дневному свету, и без долгих предисловий сделал первое в своей жизни предложение руки и сердца.

¹ Из плотного тонкого сукна с ворсом на изнаночной стороне, которое изготавливается из пряжи с добавлением бобрового или козьего пуха. (Прим. ред.)

Мисс Милбурн оказалась в том достойном всяческого сожаления положении, которое характеризуется невозможностью разобраться в собственных чувствах. На протяжении всего прошлого года виконт оставался одним из самых верных ее поклонников, и тот факт, что она была знакома с ним едва ли не с колыбели, отнюдь не мешал ей сполна оценить его достоинства. Он был симпатичным молодым человеком приятной наружности, достаточно сумасбродным, чтобы волновать девичьи грезы, и, хотя не считался такой блестящей партией, как герцог Северн, в последнее время демонстрировавший обнадеживающие намеки на признание в любви, выглядел, по крайней мере, гораздо более презентабельным, чем его сиятельство — флегматичный молодой человек, склонный к полноте. С другой стороны, в чувствах виконт не мог сравниться с благоговейной преданностью своего друга, лорда Ротема, который вот уже несколько раз кряду предлагал вышибить себе мозги, ежели таковой страстный поступок доставит Изабелле удовольствие.

Собственно говоря, мисс Милбурн питала стойкое подозрение, что виконт присоединился к сонму ее обожателей только ради того, чтобы не отстать от моды. То самое преклонение, о котором он столь бестрепетно заявлял, ничуть не мешало ему и дальше волочиться за оперными танцовщицами и жрицами любви, равно как и не побуждало преодолеть в себе недостатки характера, против коих мисс Милбурн неоднократно заявляла решительный протест. Его поведение откровенно задевало ее. Вот если бы он наглядно явил осязаемые признаки обожания, а именно: изменил образ жизни, который иначе как возмутительным и назвать было нельзя, обрел некоторую затравленную изможденность, как у бедняги Ротема, смертельно бледнел, получив отпор, или испытывал неземное блаженство, удостоившись мимолетной улыбки, — вот тогда она была бы куда более склонна принять его предложение руки и сердца. Но, вместо того чтобы вести себя с ней таким образом, по ее мнению, единственно достойным, виконт упорствовал в своих предосудительных заблуждениях. Он, хотя и выказывал Изабелле всяческое уважение, совершенно очевидно, получал ничуть не меньшее удовольствие от иных забав и развлечений, кои, казалось, выбирал исключительно для того, чтобы

доставить своей семье как можно больше тревожений и беспокойства.

Она украдкой метнула на него взгляд из-под ресниц. Нет, он, конечно, далеко не так привлекателен, как бедняга Ротем, чья смуглая и грозная красота не давала покоя ее девичьему сердечку. Ротем был истинным воплощением романтика, особенно когда его черные кудри пребывали в беспорядке оттого, что он в отчаянии взъерошивал их руками. Правда, прическа виконта тоже выглядела растрепанной, но уж в этом не было ничего романтического, поскольку беспорядок сей достигался тщательной укладкой, и мисс Милбурн не без оснований подозревала: страсть молодого человека к ней все-таки была не настолько неистовой, чтобы разрушить это настоящее произведение искусства, к которому приложил руку его камердинер.

Ростом виконт превосходил Ротема, сохраняя некоторую нескладность, и демонстрировал склонность пренебрегать своим внешним видом. Хотя мисс Милбурн вынуждена была признать, что в данном случае этот упрек выглядел явно неуместным. Виконт принарядился со всем подобающим тщанием. Завязать шейный платок еще аккуратнее было решительно невозможно, как, впрочем, и накрахмалить острые уголки воротника его сорочки. Сюртук из голубого атласа с длинными фалдами, пошитый ни кем иным, как самим великим Штульцем, без малейшей складочки и морщинки обтягивал его широкие плечи; бриджи поражали бледно-лимонным великолепием, а сапоги были начищены до зеркального блеска. В данную же минуту, пока он расхаживал по комнате, лицо его омрачалось чем-то весьма похожим на гримасу недовольства, но черты были правильными, и, даже если ему не доставало романтической пылкости Ротема, нельзя было отрицать, что при необходимости он способен на милую улыбку, придававшую обаяния его упрямо сжатым губам. В светлых глазах виконта сияла обманчиво-ангельская голубизна, странным образом противоречившая неуловимому флеру щегольского беспутства, который ощущался во всем его облике.

Исподтишка наблюдая за виконтом, мисс Милбурн вдруг встретила с ним взглядом. В глазах молодого человека светилась враждебность, но затем добродушие его светлости взяло верх и он широко улыбнулся.